На правах рукописи

Бердников Иван Михайлович

СИБИРСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ НЕКРОПОЛЬ XVIII–XIX ВЕКОВ КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИРКУТСКЕ)

Специальность 07.00.06 – археология

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Иркутск – 2012

Работа выполнена на кафедре археологии, этнологии, истории древнего мира Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования Иркутского государственного университета.

Научный руководитель:
академик РАН, доктор исторических наук, профессор
Молодин Вячеслав Иванович

Официальные оппоненты:
Бородовский Андрей Павлович, доктор исторических наук
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, отдел археологии палеометалла, ведущий научный сотрудник

Черная Мария Петровна, доктор исторических наук, профессор
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», кафедра археологии и исторического краеведения, профессор

Ведущая организация:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»

Защита состоится 24 декабря 2012 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 003.006.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) по адресу: 630090, г. Новосибирск, проспект академика Лаврентьева, 17.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИАЭТ СО РАН

Автореферат разослан «__» ноября 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук С. В. Маркин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность работы. Археологические исследования памятников освоения русскими Сибири, Дальнего Востока и Арктики долгое время носили эпизодический характер и в первую очередь были обусловлены интересом к экстраординарным явлениям или задачей сохранения археологического наследия. В российской археологии к началу XXI в. окончательно сформировалось самостоятельное научное направление по изучению культуры русского населения Сибири. В письменных источниках отражены не все стороны жизни первых поколений сибирских поселенцев – за кадром остаются формы, технологии изготовления предметов, их использование, особенности различных практик, обрядов и обычаев. Требуют уточнения вопросы демографии, адаптации, системы жизнеобеспечения. Данные, полученные в результате археологического изучения русских поселенческих и погребальных комплексов Сибири XVII–XIX вв., приобретают статус важнейших источников для широкого изучения русской культуры.

В результате охранных работ на территории Иркутска накоплен значительный массив сведений о жизни и деятельности русского населения Прибайкалья XVIII–XIX вв., возникла необходимость их обобщения и осмысления. Археологические исследования культуровмещающих отложений Иркутска изначально имели междисциплинарный характер. Введение в научный оборот их результатов имеет большое значение в решении указанных проблем не только для Прибайкалья, но и в целом для Сибири.

Объектом исследования выступают погребальные комплексы трех православных некрополей, функционировавших в центре Иркутска в XVIII–XIX вв., и вещественный комплекс захоронений: монеты, сосуды, украшения, предметы личного благочестия, одежда и обувь.

Предметом исследования является погребальная практика, социокультурные процессы в среде русского населения Сибири XVIII–XIX вв. на примере Иркутска, их связи с Европейской Россией, а также изучение среды обитания и адаптации первых поколений иркутян.

Целью работы является выявление и раскрытие особенностей погребальной и социокультурной практики жителей Иркутска в XVIII–XIX вв., уточнение традиционных тенденций в православном погребальном обряде рассматриваемого периода, а также определение значимости результатов настоящего исследования в изучении культуры русского населения Сибири в целом.

Достижение основной цели сочинения предполагает решение следующих задач:

– определение основных направлений и проблем в археологических исследованиях культуры русского населения Сибири;

– комплексная характеристика захоронений и погребального инвентаря из православных некрополей Иркутска;

– частичная реконструкция обуви и отдельных элементов одежды из погребальных комплексов;

– решение проблем происхождения и датировки нательных крестов;

– анализ особенностей погребальной практики жителей Иркутска в XVIII–XIX вв. с привлечением дополнительных источников;

– обсуждение результатов антропологических исследований, вопросов демографии и условий адаптации жителей Иркутска.

Территориальные рамки исследования – историческая часть Иркутска, которая в данный момент является центром современного города. В более широком понимании проблемы в область исследования можно включить территорию Сибири, Дальнего Востока и частично Урала, так как в качестве аналогов и опорных моментов привлекаются археологические и исторические данные по изучению культуры русских первопоселенцев.

Хронологические рамки исследования охватывают период функционирования иркутских православных некрополей – XVIII–XIX вв. Для решения ряда проблем привлекаются источники по археологическому изучению памятников XVII–XIX вв. – времени активного освоения русскими Сибири и Дальнего Востока. Данный хронологический этап в схеме В. О. Ключевского носит название всероссийского, императорско-дворянского периода. В настоящей работе используется термин Новое время.

Методологическая основа и методы исследования. При проведении исследования использованы общенаучные, исторические, археологические подходы и методы. В основе лежит принцип историзма, структурно-функциональный анализ и системный подход.

Для выявления общих тенденций и особенностей использована группа компаративных методов: сравнительно-исторический, сравнительного анализа, этноархеологического сопоставления. В процессе обработки полевой документации и материала применялись методы археологических исследований, включающие планиграфический и стратиграфический анализ, графическую обработку археологических объектов, предметов. Для систематизации и анализа погребального инвентаря использованы археологическая классификация и типология.

Научная новизна исследования. Впервые в большом объеме получены археологические данные по начальному периоду истории Иркутска. Представлены результаты археологических и антропологических исследований. Изучена уникальная коллекция одежды, обуви и украшений XVIII–XIX вв., решаются проблемы демографии и адаптации пришлого русского населения. Особое внимание уделяется одной из самых больших в Сибири коллекций нательных крестов. Благодаря возрастному и типологическому разнообразию удалось решить ряд вопросов хронологии и происхождения отдельных типов тельников. Впервые обсуждаются проблемы интерпретации некоторых аспектов погребального обряда жителей Иркутска, которые в целом характерны для русского населения Сибири рассматриваемого периода.

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования в изучении истории и культуры русского населения Сибири, в создании обобщающих трудов по истории Иркутска и Сибири, при подготовке научно-методических пособий, научно-образовательных курсов, энциклопедических и научно-популярных изданий, формировании и каталогизации музейных коллекций.

Источниковая база. В качестве источников выступает археологический и антропологический материал из раскопок трех иркутских православных некрополей (760 захоронений). Для сравнения, проведения аналогий, выявления связей привлекаются материалы хронологически близких археологических памятников Сибири, Дальнего Востока, частично Урала и Европейской России, а также письменные источники исторического и этнографического характера.

Апробация работы. Ряд положений настоящей работы прошел апробацию: на 5 всероссийских, 2 международных конференциях, 2 всероссийских археологических съездах, на 4 ежегодных отчетных сессиях ИАЭТ СО РАН. Результаты исследования представлены в 3 публикациях в российских журналах, включенных в перечень ВАК, в коллективной монографии «Лица первых иркутян. Альбом графических реконструкций», а также в 20 научных статьях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы, списка сокращений и приложения, включающего иллюстрации и таблицы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, определены цели и задачи, источники, территориальные и хронологические рамки, охарактеризованы научная новизна, практическая значимость работы и методы исследования.

В **Главе 1. Памятники освоения русскими Сибири, Дальнего Востока и Арктики в археологических исследованиях** выделены хронологические этапы и основные направления.

1.1. История археологических исследований

Тема археологических исследований памятников «русского освоения» Сибири, Дальнего Востока и Арктики не раз подробно освещалась в научной литературе [Молодин, Новиков, 1994; Артемьев, 2005б, 2007; Черная, 2008; Татаурова, 2010]. В настоящей работе выделяются хронологические этапы, представлен обзор наиболее значимых исследований и ряд работ последних лет.

На первом этапе, который начинается в XIX в. и охватывает первые десятилетия XX в., специальные мероприятия по изучению русских памятников Нового времени в Сибири носили эпизодический характер. В Томске С. М. Чугуновым обследованы православные некрополи XVIII–XIX вв. В Ир-

кутске А. М. Станиловским в 1902 г. и С. Н. Лаптевым в 1928 г. проведены археологические исследования территории острога.

На втором этапе – 1940–1960-е гг. – в советской археологии формируется направление по изучению памятников освоения русскими Сибири и Арктики. Отправной точкой можно считать открытие Б. О. Долгих в 1940 г. зимовий русских промышленников XVII в. на берегу Таймыра и на о-ве Фаддея. Исследования остатков зимовий полярных мореходов возобновлены экспедицией под руководством А. П. Окладникова в 1945 г. Результаты этих исследований отражены в ряде крупных публикаций [Окладников, 1945а; 1948; 1950; 1957; Исторический памятник…, 1951]. В 1946 г. В. Н. Чернецовым обследован первый в Сибири русский заполярный порт Мангазея. В 1957 г., ввиду предстоящего затопления, в ложе Братского водохранилища А. В. Никитиным изучены венцы двух башен Братского острога; в 1958 г. при охранных работах в Красноярске частично вскрыто основание острожной башни [Николаева, 1963].

Третий этап, который охватывает три последних десятилетия XX в., ознаменовался множеством открытий и масштабностью проводимых работ. В Западной Сибири экспедицией ААНИИ в 1968–1970 и 1973 гг. продолжены раскопки Мангазеи [Белов, Овсянников, Старков, 1980; 1981], а чуть позже – проведены работы по археологическому изучению русских поселений на архипелаге Шпицберген. Усиливается интерес к сибирским острогам. В 1973 г. под руководством В. И. Молодина перед перевозкой в Новосибирск раскопано внутреннее пространство казармы и башен Казымского острога [Молодин, Добжанский, 1978а; Молодин, 2003]. В середине 1970-х гг. разведочные работы и сборы подъемного материала проведены новосибирскими археологами на территории острогов – Бердского, Чаусского, Умревинского, а также форпостов – Усть-Тартасского, Каинского, Убинского и Каргатского. Во второй половине 1980-х гг. Ю. В. Шириным проводились исследования Кузнецкого острога, которые позднее продолжила М. П. Чёрная. В 1980–1990-е гг. В. И. Матющенко, М. В. Фроловым и М. П. Чёрной осуществлены раскопки Томского кремля [Чёрная, 2002а; 2002б]. Тематические исследования сельских поселений в рамках этноархеологических программ начались в 1990-е гг. в Омской области, где было исследовано пять поселенческих комплексов [Татаурова, 2010]. В Восточной Сибири в 1970-х гг. в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС проведены раскопки Илимского острога, осуществленные в 1971 г. Е. Ф. Седякиной и в 1973–1975 гг. В. И. Молодиным [Молодин, 2007]. Археологическим отрядом НГУ с 1987 г. проводились раскопки Саянского острога в Красноярском крае. На территории Якутии в 1969 г. и 1971 г. экспедицией под руководством А. П. Окладникова исследованы остатки стен и трёх башен Зашиверского острога. Сооружения еще двух острогов – Алазейского и Стадухинского – изучены в 1986–1992 гг. сотрудниками Якутского университета [Алексеев, 1996]. В Иркутске в 1967 г. в осуществлены раскопки у стен Спасской церкви (рук. А. М. Георгиевский, В. В. Свинин). Работы в центре Иркутска активизиро-

вались в 1990-е гг. [Города Северной Азии…, 1997; Воробьёва, Бердникова, 2003]. В Забайкалье и Приамурье изучены города Баргузинск, Нерчинск, Селенгинск, Удинск, Сретенск, Доронинск, остроги – Иргенский, Итанцинский, Аргунский, Читинский, Верхозейский, Албазинский и др. [Сухих, 1976; Артемьев, 1999]. На Дальнем Востоке исследован Нижне-Камчатский острог и начаты исследования русских поселений на Курильских островах.

Четвертый этап приходится на 2000-е гг. В данный период наблюдается увеличение тематических и охранных раскопок. Проводятся отдельные конференции, на всероссийских и международных симпозиумах ведется работа секций, освещающих проблемы археологии XVII–XIX вв., увеличивается количество публикаций в ведущих научных журналах. В Западной Сибири продолжены раскопки Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008]. Начатые в 2000 г. А. В. Шаповаловым исследования Умревинского острога, продолжены А. П. Бородовским [Бородовский, Горохов, 2009, Горохов, 2011]. Ведутся работы по изучению исторической части Тобольска [Адамов, Балюнов, Данилов, 2008; Матвеев, Аношко, Алиева, 2012; Аношко, 2011] и Тары [Татауров, 2011]. В Восточной Сибири в историческом центре Красноярска проведены археологические исследования православных некрополей и острога [Тарасов, 2011]. В 2003 г. в Качугском р-не Иркутской области обнаружено и обследовано местонахождение Верхоленского, а в 2005 г. – Тункинского острогов [Артемьев, 2007]. В Иркутске продолжены работы в исторической части города и на территории Иркутского острога [Бердникова, Воробьева, 2007; Бердников, 2009; Бердников, Бердникова, Батракова, 2010; Исторический центр Иркутска…, 2008].

1.2. Основные направления исследований

Наряду с археологическим городоведением [Черная, 2007], значительное место в исследованиях культуры русских занимает этноархеология, которая успешно развивается омскими учеными под руководством Н. А. Томилова. Сформировалось самостоятельное направление по изучению одежды, археологического текстиля и обуви [Глушкова, 2001, 2002, 2008; Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011].

Особое место отводится проблемам изучения православного погребального обряда. Значительный вклад в исследования по данной тематики сделан Т. Д. Пановой, которой разработана типология внутримогильных конструкций и затронуты проблемы интерпретации некоторых деталей обряда [1990; 2003; 2004]. В Сибири первые масштабные раскопки православного некрополя (Илимского острога) осуществлены в 1970-е гг. В. И. Молодиным [2007]. Результаты раскопок сельского могильника XVIII–XIX вв. села Староалейка (Алтайский край) [Кирюшин и др., 2006], наряду с материалами некрополя Умревинского острога и Нагорного кладбища в Барнауле, легли в основу диссертационной работы А. А. Воробьева-Исаева [2006]. Следует отметить работу по реконструкции православных погребальных традиций населения Омского Прииртышья с привлечением этнографических источников [Татаурова, 2010]. В Кемеровской области (Кузнецкое

Притомье) известны исследования погребальных памятников XVII–XVIII вв. [Ширин, 2000, 2011]. В рамках исследования православного погребального обряда в Сибири внимания заслуживает также работа А. И. Бобровой по результатам археологического изучения Тискинского могильника селькупов [2009].

Неотъемлемой частью археологических исследований Нового времени является ставрография. Возрождение ее как самостоятельной исторической дисциплины началось в 1990-е гг. [Русское медное…, 1993а, 1993б]. С этого момента начинается публикация каталогов собраний российских музеев [Исаева, 1996; Гнутова, Зотова, 2000; Островский, Федоров, 2007]. С 2001 г. издается серия, посвященная изучению крестов [Ставрографический сборник, 2001, 2003, 2005]. Вышла монография, где крест рассматривается как уникальное явление в русской православной культуре [Гнутова, 2006]. Ряд исследований касается проблем датировки и происхождения изделий православной металлопластики, среди них особо отметим работы Е. Я. Зотовой [2003а; 2003б]. Среди работ сибирских археологов в первую очередь следует назвать серию публикаций В. И. Молодина по нательным крестам Илимского острога [2001, 2002, 2005б], которые легли в основу монографии «Очерки по ставрографии» [Молодин, 2008]. Итогом изучения ставрографической коллекции стала работа, где подробнейшим образом представлен анализ нательных крестов, благодаря чему появилась возможность датировать ряд изделий [Молодин, 2007]. В последние годы появились работы по изучению тельников из могильников Омского Прииртышья [Кромм, 2010; Татаурова, Кромм, 2010]. Еще одна серия нательных крестов, которой посвящено специальное исследование, собрана в процессе археологического изучения Тискинского могильника селькупов [Боброва, 2004]. Коллекции тельников известны из раскопок Мангазеи, Умревинского острога, Тобольска, Алтая, Верхнего Притомья и Саянского острога, где найдены как готовые изделия, так и необработанная отливка, возможно, выполненная в крепости [Скобелев, Чуриков, 2009]. На Дальнем Востоке нательные кресты есть в материалах археологических исследований Албазинского острога, Нерчинска, в Якутии – Алазейского и Стадухинского острогов. Крестытельники также широко представлены в коллекциях из раскопок памятников Европейской России: Москвы, Твери, Псковской области, Вятского края. Уральские материалы известны нам из работ С. Н. Погорелова [2005] и Г. Х. Самигулова [2005б].

Важным элементом ставрографических исследований является систематизация коллекций и определение происхождения изделий. Э. П. Винокуровой разработана типология для металлических литых крестов-тельников Москвы XVII в. [1993, 1999], основой для которой является подход, предложенный А. К. Жизневским [1888]. Впоследствии, базирующаяся на указанных разработках типология В. И. Молодина для коллекции металлических тельников Илимского острога легла в основу единственной в своем роде монографии [Молодин, 2007]. Попытки создания типологических схем

предпринимались и другими исследователями [Беленькая, 1993; Столярова, 1994]. В данном ключе представляет определенный интерес исследование, направленное на совершенствование работы ставрографов в рамках конструктивного подхода [Пежемский, 2003, 2005], а также диссертационная работа Д. О. Антипиной, в которой рассматриваются принципы типологизации русских православных крестов в целом [2006].

Глава 2. Православные некрополи Иркутска. Характеристика погребальных комплексов посвящена анализу захоронений и сопровождающего инвентаря.

2.1. Спасский некрополь

В 2007–2011 гг. у стен Спасской церкви проведены охранные раскопки. Общая площадь раскопов составила более 500 м^2. У северного фасада храма обнаружена часть деревянной тыновой стены, которая, по всей вероятности, является южной оградой Иркутского острога 1669 г.

2.1.1. Планиграфия и стратиграфия некрополя

Обнаружено 469 захоронений. Можно говорить об условном разделении некрополя на две части: северо-восточную («острожную») и юго-восточную. Наибольшая плотность в расположении могил наблюдается в юго-восточной части некрополя у основного здания церкви. Выделяется несколько участков с погребениями, расположенными вплотную и ярусами, ряды не прослеживаются. Глубина варьирует в пределах 0,4–1,7 м от современной поверхности. Все погребения Спасского некрополя ориентированы по линии З–В, в большинстве случаев – с отклонением к северу. Умершие находились в вытянутом положении на спине. Зафиксировано различное положение рук: на поясе или крестообразно на груди, одна рука вытянута вдоль тела, другая покоится на груди или поясе. Два погребения выделяются из общего ряда: это вторичное захоронение, где присутствуют останки как минимум трех человек, и кенотаф (в гробу обнаружены лишь две фаланги пальцев ног).

2.1.2. Надмогильные и внутримогильные конструкции

Внутримогильные конструкции представлены долблеными колодами и дощатыми гробами-ящиками. Дети погребены преимущественно в колодах, в гробах – всего 6%. Взрослые – исключительно в гробах. Одно взрослое захоронение совершено в кирпичной гробнице. Надмогильные конструкции представлены фрагментами четырехконечного деревянного креста и остатками кирпичных оснований под надгробия. В фондах ИОКМ сохранились две плиты 1763 и 1764 (?) гг., обнаруженные в 1967 г. при проведении раскопок у юго-восточного угла здания Спасской церкви [Добрынина, 2008, с. 67]. Рисунки еще трех надгробных плит – 1737, 1741 и 1747 гг. – переданы нам Н. А. Савельевым, принимавшем участие в работах 1960-х гг.

2.1.3. Погребальный инвентарь

В десяти погребениях найдены украшения: серебряное кольцо с голубым прозрачным камнем (аквамарин?) в серебряной оправе, серьги со вставками из стекла, рубина, изумруда, горного хрусталя (?). В большинстве

погребальных комплексов встречены остатки кожаной обуви, в восьми случаях – с обувными пряжками. Большой интерес представляют женские головные уборы (повойники), найденные в трех захоронениях, фрагменты одежды (в ряде случаев с пуговицами) и кружевные ленты. В трех погребениях обнаружены медные монеты – денга, полушка (1730–1740 гг.). В двух из них находилось по одной монете, в третьем – 17 монет в кожаном кошеле у пояса умершего. В двух захоронениях у правого плеча покойного обнаружены сосуды. В первом случае это фрагментированное изделие из синего стекла, во втором – чаша китайского фарфора периода Юнчжэн (1723–1735 гг.).

В общей сложности обнаружено 280 нательных крестов: 269 находились в 267 захоронениях, 7 найдено в слое и 4 – внутри церкви. Один крест – деревянный, изготовленный из капа палисандра. В типологии В. И. Молодина для крестов-тельников Илимского острога, где основой для систематизации служат форма и конструктивные элементы, выделено одиннадцать типов. В коллекции Спасского некрополя есть кресты почти всех типов за исключением 3, 9 и 11. Шесть экземпляров не вписываются в предложенную В. И. Молодиным схему, в настоящей работе они представлены как «нетипичные». Соотношение крестов по типам выглядит следующим образом. Тельников типа 1 – 75 экз., что составляет 26,9% от общего числа. Кресты типа 2 представлены двумя экземплярами (0,7 %). Самой многочисленной является группа крестов типа 4 – 101 экз. (36,2 %). Тип 5 представлен одним изделием (0,4 %). К типу 6 относится 6 экз. (2,2 %), к типу 7 – 34 экз. (12,2 %), к типу 8 – 42 экз. (15,1 %), к типу 10 – 10 экз. (3,6 %). У двух изделий, вероятно, оловянных, форму определить не удалось из-за плохой сохранности.

2.2. Владимирский некрополь

На исследуемом участке от некрополя (в 60 м на северо-запад от Владимирской церкви) сохранился фрагмент его северного участка. Охранные работы проведены летом 2009 г., площадь раскопа составила 210 м^2.

2.2.1. Городские отложения

На вскрытой площади в культурогенной толще выделено три уровня залегания находок. Общее их количество составило более 1700 единиц. В коллекции имеются фрагменты керамической и фарфоровой посуды, изделия из металла, каменные артефакты, монета (денга) 1748 г. В составе фаунистических остатков присутствуют кости домашних (крупного и мелкого рогатого скота, свиньи) и диких животных (зайца-беляка), а также птицы.

2.2.2. Планиграфия и стратиграфия некрополя

На исследуемом участке исследовано 46 захоронений, которые ориентированы по линии З–В с некоторыми отклонениями и расположены рядами по направлению С–Ю. Четко прослеживается три ряда, внутри которых выделяются участки с групповыми ярусными захоронениями. Глубина могил – до 1,6 м. Умершие погребены в вытянутом положении на спине. Положение

рук – разное, преимущественно они сложены на поясе или перекрещены на груди, ноги вытянуты.

2.2.3. Надмогильные и внутримогильные конструкции

Верхний уровень кладбища разрушен, надмогильные сооружения отсутствовали. Внутримогильные конструкции представлены трапециевидными гробами-ящиками и долбленными колодами. Взрослые захоронены исключительно в гробах, дети – в колодах трапециевидной и прямоугольной формы. Стенки одной могилы с четырьмя погребениями укреплены широкими досками толщиной около 5 см.

2.2.4. Погребальный инвентарь

В заполнении могильных ям встречены изделия из стекла и перламутра, бисер, железная игла с ушком, фрагменты слюды, монета (полушка) 1745 г. и многочисленные фрагменты керамики. Во рту одного из умерших найдена монета (полушка 1730–1740-х гг.) в кожаном мешочке. Украшения представлены частью серьги и фрагментом костяной подвески (пуговицы?). В пятнадцати захоронениях обнаружены остатки кожаной обуви, в одном – фрагменты головного убора, еще в одном – металлическая пуговица сферической формы.

Все нательные кресты (31 экз.) найдены в захоронениях. Соответственно типам они распределились следующим образом: тип 1 – 14 экз. (45,1%), тип 4 – 3 экз. (9,7%), тип 7 – 7 экз. (22,6%), тип 8 – 6 экз. (19,4%). Тип еще одного креста (оловянно-свинцового) не удалось определить ввиду плохой сохранности.

2.3. Крестовоздвиженский некрополь

В 2010–2011 гг. проведены охранные работы на участке, находящемся в 40 м на юго-восток от Крестовоздвиженской церкви, и на расположенной рядом ул. Коммунаров. Общая площадь раскопов составила 780 м^2.

2.3.1. Планиграфия и стратиграфия некрополя

Обнаружено 245 погребений. Порядок в расположении могил не прослеживается, ряды отсутствуют, однако выделяются участки, где в одной могильной яме находятся несколько захоронений. В отличие от некрополя Спасской церкви здесь они располагаются не так плотно. Ориентированы погребения по линии З–В порой с существенными отклонениями к югу или северу. Глубина могил – от 0,5 до 1,8 м. В нескольких случаях достоверно зафиксировано разрушение ранних комплексов при сооружении новых во второй половине XIX в.

2.3.2. Надмогильные и внутримогильные конструкции

По всей площади раскопа встречены надгробные плиты, изготовленные преимущественно из песчаника. Ни одна плита не зафиксирована in situ, так как верхний уровень кладбища сильно разрушен. Самое раннее датированное надгробие относится к 1787 г., самое позднее – к 1811 г. Внутримогильные конструкции представлены в основном дощатыми гробами-ящиками трапециевидной и прямоугольной формы. Долбленых колод среди определимых конструкций насчитывается порядка 20 шт., во всех – захоронены

дети. Наибольший интерес представляют три погребения в кирпичных гробницах трапециевидной формы, конструктивно отличающихся от подобного сооружения из Спасского некрополя.

2.3.3. Погребальный инвентарь

Украшения представлены женскими серьгами, которые обнаружены в десяти захоронениях, и двумя серебряными перстнями. Почти в половине захоронений найдены фрагменты кожаной обуви, обувные пряжки встречены лишь в трех случаях. Пуговицы представлены 114 экз. Фрагменты одежды немногочисленны: это остатки верхней одежды с петлями, фрагмент головного убора, расшитого золотыми нитями. Еще в двух погребениях (священнослужителя и знатного горожанина) обнаружены остатки одеяний, которые можно частично реконструировать. В одном из указанных захоронений у правого бедра умершего найдена стеклянная бутыль.

В 183 погребениях находились: 181 нательный крест, 3 меднолитых образа и серебряный медальон с православной символикой. Еще 8 тельников найдено в слое. Соотношение крестов соответственно типам выглядит следующим образом. Крестов типа 1 насчитывается 48 экз., что составляет 25,4% от общего числа. Тип 2 представлен 2 экз. (1,1%), тип 4 – 11 экз. (5,8%), тип 5 – 13 экз. (6,9%), тип 6 – 29 экз. (15,3%), тип 7 – 18 экз. (9,5%), тип 8 – 39 экз. (20,6%) и тип 10 – 2 экз. (1,1%). Кроме этого, в коллекции есть 23 католических тельника (12,2%), а также два уникальных образца – янтарный и перламутровый. Еще два нательных креста сохранились плохо, форму и тип установить невозможно.

Глава 3. Православные некрополи Иркутска как археологический источник

3.1. Хронология погребальных комплексов иркутских некрополей

Большую часть Спасского некрополя на территории, прилегающей к храму с южной и восточной стороны, следует связывать со временем функционирования приходского кладбища, которое действовало согласно письменным источникам с 1739 г. до конца 1760-х гг. Данные подтверждаются находками монет и китайской чаши. Определение датировки северо-восточной части некрополя вызывает некоторые затруднения. Возможно, захоронения на этом участке относятся к доприходскому периоду (с 1710 по 1739 гг.). Здесь могут находиться и могилы, которые относятся к кладбищу деревянной Спасской церкви, построенной в 1667 г. и располагавшейся невдалеке от более позднего каменного здания.

Анализ полученных в результате раскопок Владимирского некрополя данных позволяет датировать изученные захоронения XVIII в. Формирование кладбища правильнее связывать с датой постройки и освящения деревянной Владимирской церкви, т.е. с 1720-ми гг. В 1760–1770-е гг. оно было закрыто, как и многие прицерковные некрополи в центре Иркутска. В пользу датировки говорит находка монеты во рту одного из умерших.

Надписи и даты на надгробиях Крестовоздвиженского некрополя указывают на время его существования: последняя четверть XVIII – начало

XIX вв. Кроме того, близость объекта к Крестовоздвиженской церкви дает основание предполагать, что здесь могут находиться и более ранние могилы, которые относятся к приходскому кладбищу церкви (вторая-третья четверть XVIII в.). Отмечены и единичные случаи захоронений второй половины XIX в., которые можно связать со временем функционирования общегородского (Иерусалимского) некрополя, расположенного неподалеку.

3.2. Особенности погребальной практики русских в Иркутске и Сибири в XVIII–XIX вв.

3.2.1. Планиграфия и стратиграфия некрополей

В Сибири в XVII–XVIII вв. православные некрополи традиционно располагались у стен храмов. Со второй половины XVIII в. формируется практика обустройства кладбищ за пределами крупных населенных пунктов. Захоронения, как правило, ориентированы по линии З–В, в большинстве случаев наблюдается значительное отклонение в ориентации к северу или югу, что связано с сезоном захоронений. Данная ситуация характерна для всех православных некрополей Сибири рассматриваемого периода. В ряде случаев наблюдается расположение могил рядами. Однако эту ситуацию нельзя назвать характерной. Планиграфия сибирских некрополей, как сельских, так и городских, позволяет говорить об организации коллективных захоронений по типу семейных/родовых участков, обозначенных наличием общей могильной ямы; частым явлением для этого хронологического периода становятся и ярусные погребения. Городские некрополи отличаются более высокой плотностью в расположении погребальных комплексов. Это объясняется ограниченностью площади ввиду особенностей городской инфраструктуры и быстрого освоения прилегающих территорий.

3.2.2. Особенности положения умерших

Положение умерших из захоронений иркутских некрополей традиционно для православной погребальной практики: вытянутое на спине с уложенными на теле руками (преимущественно скрещенными на груди), головой на запад. Отмечаются некоторые вариации, а именно – разное положение рук, и этому вопросу уделяется немало внимания в археологической литературе [Боброва, 2007; Татаурова, 2010]. Однако какие-либо закономерности не установлены. Изредка руки укладывались на поясе. Среди захоронений Крестовоздвиженского некрополя, где отмечено такое положение, следует отметить интересную закономерность. В пяти случаях в руке (или под кистями рук) обнаружены католические нательные кресты. Вкладывание нательного креста в руку могло являться особенностью католического обряда погребения.

3.2.3. Выбор внутримогильных конструкций

В Сибири преимущественным типом внутримогильной конструкции до XVII–XVIII вв. являлись долбленые колоды, вероятно, ввиду простоты и относительной дешевизны изготовления (при условии наличия бревен подходящего размера). Гробы-ящики трапециевидных и прямоугольных форм получают широкое распространение в XVIII в. Этот факт фиксируется в

основном при раскопках городских некрополей, тогда как в сельской местности вплоть до конца XIX в. использовались долбленые колоды. Примером тому служат раскопки могильников Изюк-I и Староалейка-II. Использование бересты при погребении связано с проявлением иноэтнического компонента в погребальном обряде. Данная деталь характерна для многих евразийских народов. Более редким типом внутримогильных конструкций являются кирпичные гробницы. Хронология иркутских погребальных комплексов позволяет предположить, что в Сибири подобные внутримогильные конструкции появляются не ранее конца XVIII в.

3.2.4. Проблема идентификации конфессиональной принадлежности захоронений

В научной литературе поднимается проблема идентификации нехристианских и старообрядческих захоронений на русских православных некрополях. Несмотря на мнения о невозможности в ряде случаев надежной идентификации христианских погребений [Жук, 2008], археологические исследования показывают, что определенный набор признаков, характерный для православной погребальной практики, все же имеется. Вопрос об идентификации старообрядческих погребений остается открытым. Единственным критерием для выявления захоронений старообрядцев является на данный момент форма и иконография нательных крестов, которые в действительности не могут выступать в качестве идентифицирующих признаков, так как старообрядческие тельники, начиная с конца XVII в., распространились по всей территории России и долгое время являлись основным видом предметов личного благочестия для большинства православных.

3.2.5. Роль нательного креста в погребальном обряде

На Руси не существовало правила, которое бы предписывало обязательное сопровождение покойного нательным крестом. В погребениях XVII в. тельников в захоронениях мало, однако в XVIII в. ситуация меняется. В сибирских православных некрополях, где имеется наибольшая выборка, доля погребений с крестами возрастает до 70 %. Иную ситуацию мы наблюдаем во второй половине XIX – начале XX вв. Как отмечает А. А. Воробьев-Исаев, при раскопках Нагорного кладбища в Барнауле нательные кресты зафиксированы всего в 16% случаев [2006]. Данный факт указывает на изменение со временем роли предметов личного благочестия в погребальном обряде.

3.2.6. Монеты в захоронениях

Монеты из захоронений рассматриваемого периода могут выступать в качестве дополнительного источника для датировки. Их находки указывают на существование в православной среде XVII–XIX вв. обряда сопровождения умершего платой за переход на тот свет (обол). Однако процент таких погребений незначителен, и говорить о широком распространении данного обычая в русской среде нельзя. Возможно, здесь мы имеем дело с проявлением иноэтнического компонента, так как находки монет во рту или в мешочке на поясе характерны для некоторых неславянских народов Евразии.

3.2.7. Сосуды в могилах

Традиция класть сосуды в могилы прослеживается на Руси со средневековья. В ранних русских погребениях это преимущественно керамические изделия. Ближе к XVII в. география таких захоронений значительно расширяется, и помимо керамических и стеклянных, появляются костяные и деревянные сосуды. Интерпретация данной детали погребального обряда осложнена отсутствием в письменных источниках достоверных сведений, по какому поводу данное действие совершалось. На наш взгляд следует выделить несколько ритуалов: обряд битья посуды, остатки тризны, окуривание умерших, а также использование сосудов с елеем при отпевании покойного. Последние случаи отмечены на Спасском некрополе.

3.3. Нательные кресты и другие предметы личного благочестия

3.3.1. Кресты-тельники из нетрадиционных материалов

Нательные кресты из нетрадиционных материалов атрибутировать сложнее, чем металлические, ввиду того, что они не получили широкого распространения. Находка деревянного нательного креста в захоронении на Спасском некрополе подтверждает гипотезу об использовании таких изделий в православной погребальной практике в Сибири.

3.3.2. Кресты с распятием Иисуса и изображениями святых

Крест с распятием в христианском искусстве появляется достаточно поздно, причина чего, вероятно, заключается в особом представлении, связанного с крестом и крестной смертью, как наиболее позорным видом наказания [Молодин, 2005а, с. 86]. На Руси изделия с изображением распятого Иисуса появляются практически одновременно с принятием христианства. Для тельников периода XVII–XVIII вв. помещение распятия на крест – явление достаточно редкое. В XVIII в. наблюдается широкая вариативность в его изображении на крестах-тельниках: тело Иисуса иногда изображается сильно провисающим на кресте, в отдельных случаях ноги перекрещены, на оборотной стороне креста появляются изображения орудий Страстей Господних. В целом это не характерно для православных иконографических традиций и свидетельствует о внедрении западных семантических канонов [Молодин, 2005б, с. 153].

3.3.3. Эпиграфические особенности

Несмотря на то, что большинство нательных крестов в XVII–XIX вв. изготавливалось в старообрядческих мастерских по образцам ранних изделий, прослеживаются вариации в характере надписей. Для школы поморского литья, которое получило широкое распространение в России, традиционным являлось изображение на кресте «истинного» титла – ЦСІХСБ. [Зотова, 2003]. Центры поморского медного литья, которые во второй половине XVIII в. появляются и в Москве, снабжали своей продукцией в основном приверженцев беспоповского толка – поморцев, федосеевцев, филипповцев. Однако бытование этих тельников не ограничивалось старообрядческой средой, об этом говорят их многочисленные находки в захоронениях православных некрополей. Важно подчеркнуть, что на крестах типов 6 и 7

из иркутских некрополей появляется четверолитерное написание титла (ІНЦІ). Вероятно, это первый вид так называемых «никонианских» нательных крестов, который появляется в XVII в. после раскола в русском православии. Кресты с «пилатовским» титлом распространились и в старообрядческой среде.

3.3.4. Датировка и хронология иркутских нательных крестов

В нашем распоряжении оказалась большая коллекция тельников – в общей сложности 500 экз., – полученная в результате исследований иркутских некрополей XVIII-XIX вв. Можно проследить динамику распространения отдельных типов. Во-первых, видно, что со временем непопулярными становятся кресты типа 4 и 10. Во-вторых, появляются кресты, аналогов которым нет в захоронениях Спасского некрополя. В первую очередь это тельники типа 6, подтипа 2 с надписью «Аз бо язвы господа моего Иисуса Христа на теле своем ношу…» и титлом NНЦН, а также кресты типа 6, подтипа 4. Доля тельников типов 6, 7 и 8 со временем увеличивается, кресты типа 1 одинаково популярны и в то, и в другое время. Важной деталью для датировки нательных крестов, на наш взгляд, является оформление ушка. Для крестов XVII в. характерно ушко простой округлой формы, иногда широкое, оформленное несколькими гранями. В Иркутске нательные кресты с фигурным ушком и навершием появляются не ранее конца XVIII в. Ближе к XIX в. исчезают и другие типы тельников. В погребениях некрополя Крестовоздвиженской церкви отсутствуют кресты с эмалями, которые в типологии Э. П. Винокуровой относятся к типам VI и VII, а в нашей типологии – к типу 4, подтипам 7 и 8. Такие кресты отливались в старообрядческих мастерских Русского Севера и Москвы и привозились в Иркутск на продажу и для личного пользования переселенцами из этих районов, которые в первой половине XVIII в. составляли большую часть населения города. В коллекции Крестовоздвиженского некрополя нет также тельников со щитовидным расширением на нижней лопасти и изображением св. мученика Никиты, которые были распространены на Руси в XIV–XVII вв., в коллекции Спасского некрополя они представлены единичными экземплярами. Находки таких крестов в археологических комплексах XVIII в. – явление довольно редкое, а к концу XVIII – началу XIX вв. они исчезают окончательно. Большой интерес представляют католические тельники. Объяснение находкам их в погребениях на православном кладбище может быть следующее. Во-первых, они могли находиться в захоронениях католиков, обращенных в православную веру, и до смерти хранивших свой нательный крест, который клался с ними в могилу. Во-вторых, по особому разрешению, здесь могли хорониться инородцы из числа знатных граждан и высших административных чинов, исповедовавшие католическую веру, в период, пока еще не был выделен отдельный участок на общегородском кладбище. Учитывая схожесть одного из типов обнаруженных нами крестов с польскими образцами, можно предположить, что среди умерших были поляки или выходцы из Западной Украины.

3.3.5. Нательные кресты в захоронениях людей разного пола и возраста

Анализируя коллекцию Спасского некрополя можно проследить тенденции распределения крестов в захоронениях разного пола и возраста. На Спасском некрополе дети в основном хоронились с небольшими тельниками, взрослые – с крестами большего размера. Однако правилом это не являлось, в пользу данного вывода свидетельствуют находки крупных крестов в детских могилах и совсем миниатюрных во взрослых. Отмечается разделение крестов-тельников на «мужские» и «женские» типы. Женщины стремились носить изделия сложной, изящной формы, мужчины предпочитали тельники более простые. Но и в этом случае видно, что данному правилу следовали далеко не все. Эти наблюдения справедливы и для Крестовоздвиженского некрополя.

3.3.6. Иконы, образки, медальоны

Иконы и образки в православных захоронениях XVII–XVIII вв. встречаются реже, чем нательные кресты. В Иркутске они есть только в археологической коллекции Крестовоздвиженского некрополя. Следовательно, в Иркутске иконы и образки в православных захоронениях появляются ближе к XIX в., и это явление характерно не только для местных некрополей. Такие находки зафиксированы в погребальных комплексах XIX в. Нагорного кладбища в Барнауле [Воробьев-Исаев, 2006] и Ново-Тихвинского монастыря в Екатеринбурге [Погорелов, Попов, 2005].

В **главе 4. Вопросы палеодемографии, условия адаптации и антропологический состав населения Иркутска XVIII–XIX вв.** представлены результаты комплексного антропологического изучения материалов из двух некрополей – Спасского и Крестовоздвиженского. Данные по Владимирскому некрополю не учитывались ввиду небольшой выборки. Исследования выполнены сотрудниками ИЭА РАН Н. А. Суворовой, Н. В. Харламовой, Р. М. Галеевым [Суворова, Харламова, 2008; Научно-технический отчет… 2010, 2011; Комплексное археолого-антропологическое исследование… 2011; Лица первых иркутян, 2011].

4.1. Спасский некрополь

Антропологическая серия, подвергнутая полному комплексу исследований, насчитывает 382 индивида. В соответствии с половозрастной характеристикой в группе: 59 мужчин (15,4%), 48 женщин (12,6%), 265 детей и подростков до 16–18 лет (69,4%) и 10 неопределимых (2,6%). Средний возраст смерти в группе: общий – 13,5 лет, без учета детей и подростков – около 36 лет, мужчин – около 37 лет, женщин – 35 лет. Следует отметить высокий процент детской смертности. Наибольший вклад в детскую смертность вносят новорожденные и дети возрастом до года. Процент детской смертности (без новорожденных, от общего числа наблюдений) – 29,3%, общей детской – 71,2%. Пик смертей у мужчин приходился на возраст 40–45 лет. У женщин отмечается два пика смерти. Наиболее ярко выраженный пик приходится на возраст 30–35 лет, второй – на 45–49. Вероятно, ранний пик смертности женщин связан с деторождением.

Уровень травматизма в целом относительно невысокий и, вероятно, связан с травмами бытового характера. У взрослых и детей зафиксированы случаи остеомиелита, в нескольких случаях характерные следы позволяют предположить наличие сифилиса и туберкулеза. Отсутствие явных отклонений в морфологии скелета детей возрастом до года наводит на мысль о распространении инфекционных заболеваний, которые могли являться основной причиной смерти. Наиболее часто встречаемыми изменениями морфологии кости оказались периостит конечностей, возрастные изменения костей и трансформации, вызванные физическими нагрузками. Обращает на себя внимание наличие множественных проявлений остеопорозов, вызванных, вероятно, недостатком в пище кальция, нарушением работы щитовидной железы или другими причинами.

По данным краниологии и одонтологии представители изученной серии относятся преимущественно к кругу европеоидных форм, однако встречаются черепа с незначительной монголоидной примесью. Данные по одонтологии детей и подростков свидетельствуют о процессах начальной метисации. Высокая младенческая смертность, наличие в ряде случаев эмалевой гипоплазии и пики смертности у женщин репродуктивного возраста позволяют предположить, что изучаемая группа жителей Иркутска находилась на начальном этапе адаптации к местным условиям. Частая гибель новорожденных, к тому же, указывает на невысокий уровень медицины. Незначительное численное преобладание в выборке мужчин над женщинами согласуется с данными историко-антропологических исследований [Русские старожилы…, 1973], согласно которым основу миграций в Сибирь составляли преимущественно мужчины.

4.2. Крестовоздвиженский некрополь

В результате анализа пола и возраста серии из 209 индивидов установлено, что в группе 36 мужчин (17,2%), 29 женщин (13,9%), 137 детей и подростков до 16–18 лет (65,5%) и 7 неопределимых (3,3%). Как и в случае с серией из Спасского некрополя, отмечен высокий процент детской смертности и незначительное преобладание мужской выборки над женской. Более 67% детских смертей приходится на первый год жизни, с увеличением возрастной категории смертность значительно уменьшается. Средний возраст смерти в группе: общий – 15 лет, без учета детей – около 37 лет, мужчин – около 38 лет, женщин – около 36 лет. У женщин выделяется три пика смертности. Первый пик, приходящийся на возраст от 15 до 24 лет, отмечен в палеодемографических работах [Богатенков, 2003, с. 25–26] и связывается с неудачным течением беременности и родов. Второй пик – 35–45 лет, совпадающий с мужским, отражает возраст «износа» организма в условиях постоянных физических нагрузок. Третий пик – более 50 лет – показывает, что основу старческого населения составляли женщины.

Уровень травматизма у мужчин в два раза выше, чем у женщин. Из зубных патологий следует отметить высокую встречаемость зубного камня, прижизненную потерю зубов, пародонтоз, кариес с резорбцией кости. Эма-

левая гипоплазия встретилась у пятой части выборки, средний возраст которой около 6 лет. На скелетах взрослых наиболее часто встречаемыми изменениями морфологии кости оказались периостит конечностей, возрастные изменения костей (в том числе, остеопороз), трансформации, отражающие физические нагрузки. Остеомиелит проявлялся чаще на большеберцовых костях. В одном случае характерные следы на костях позволяют предположить наличие сифилиса и туберкулеза. Отмечен редкий для этого времени случай ампутации правой голени. На останках новорожденных особый интерес представляет встречаемость пороза ушных проходов и периоститных поражений костей.

Антропологический состав изученной группы неоднороден. Основной массив представляется европеоидным, при этом отмечается наличие монголоидных компонентов с разной степенью выраженности. По демографическим параметрам изучаемое население характеризуется традиционным типом воспроизводства с относительно высокой детской смертностью, что может свидетельствовать о высоком уровне распространения инфекционных заболеваний. Небольшие частоты показателей холодового стресса говорят о хорошей адаптации местных жителей к резко континентальному климату. О крепком здоровье иркутян можно судить по хорошо зажившим бытовым переломам, по наблюдаемым крайним стадиям остеомиелитических поражений. Данные палеопатологического исследования отражают невысокий уровень медицины и недостатки в рационе питания.

4.3. Сравнительный анализ основных показателей

Сравнивая результаты исследований антропологического материала из двух разновременных иркутских некрополей, следует отметить, что демографические и иные показатели несколько отличаются. Средний возраст смерти увеличивается на 1–1,5 года. В комплексе с другими показателями можно предположить, что население Иркутска к началу XIX в., в среде которого постепенно увеличивается доля коренных горожан, несколько лучше адаптировано к условиям окружающей среды. На эти изменения, вероятно, влияли и другие факторы: повышение уровня благосостояния, материального жизнеобеспечения и общей культуры. Высокая детская смертность, которая на протяжении почти ста лет не снижается, обусловлена, по всей видимости, распространением инфекционных заболеваний и невысоким уровнем здравоохранительной базы. Ситуации, близкие к описанной, отражены в работах по изучению погребальных памятников XVII–XIX вв. Восточной и Западной Сибири [Молодин, 2007, с. 34–37; Татаурова, 2010, с. 64–67]. Высокая детская смертность для этого времени обычное явление, это отмечено в процессе исследований серий некрополя Илимского острога, могильника Изюк-I и Покровского некрополя в Красноярске [Рейс, 2009]

В **Заключении** подведены итоги и обобщены результаты исследования, в краткой форме приведены основные выводы.

Раскрытие социокультурных особенностей жизни первых поколений русских поселенцев Сибири по междисциплинарным данным находится в

начале своего становления, и развитие этого направления представляется весьма перспективным. Данные, полученные в результате комплексных исследований некрополей Иркутска, являются не просто дополнением к письменным сведениям по истории города, но дают возможность по-новому взглянуть на особенности повседневной и духовной жизни населения Иркутска и Сибири XVIII–XIX вв.

Список основных работ, опубликованных по теме диссертации (общий авторский вклад – 9,6 п.л.)

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. **Бердников И. М.** Спасский некрополь Иркутского острога. Особенности погребального обряда / И. М. Бердников // Вестн. НГУ. – 2009. – Т. 5, вып. 5. – С. 252–260. Авторский вклад 1 п.л.

2. **Бердников И. М.** Деревянный нательный крест из захоронения на Спасском некрополе XVIII века в Иркутске / И. М. Бердников // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 3. – С. 113–119. Авторский вклад – 1 п.л.

3. **Бердников И. М.** Кресты-тельники из раскопок некрополя Спасской церкви города Иркутска / И. М. Бердников // Вестн. НГУ. – 2012. – Т. 11, вып. 7. – С. 164–178. Авторский вклад – 1 п.л.

Монографии:

4. Лица первых иркутян: альбом графических реконструкций / Н. Е. Бердникова, **И. М. Бердников**, Р. М. Галеев, Н. А. Батракова, Н. В. Харламова, М. М. Герасимова. – Иркутск : Амтера, 2011. – 84 с. Авторский вклад – 2 п.л.

Статьи в сборниках научных трудов и материалах конференций:

5. **Бердников И. М.** К вопросу о времени первых захоронений на территории Иркутского острога / И. М. Бердников, Н. Е. Бердникова // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск : Апельсин, 2008. – С. 233–237. Авторский вклад – 0,2 п.л.

6. **Бердников И. М.** Результаты предварительных раскопок в рамках работ по сохранению объекта культурного наследия «Иркутский острог» / И. М. Бердников, А. Ю. Куклин, М. С. Сизова // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций : материалы Всерос. конф. с междунар. участием. – Барнаул : Азбука, 2008. – С. 44–45. Авторский вклад – 0,1 п.л.

7. Результаты археологических исследований территории Иркутского острога у храма Спаса Нерукотворного образа / А. Ю. Куклин, **И. М. Бердников**, М. С. Сизова, А. С. Пержакова // Теория и практика археологических исследований : сб. науч. тр. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. – Вып. 4. – С. 157–161. Авторский вклад – 0,2 п.л.

8. Бердникова Н. Е. Раскопки исторического центра Иркутска / Н. Е. Бердникова, Г. А. Воробьева, **И. М. Бердников** // Труды II (XVIII)

Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М. : ИА РАН, 2008. – Т. 2. – С. 428–430. Авторский вклад – 0,1 п.л.

9. Спасательные работы на территории Иркутского острога / Н. Е. Бердникова, Г. А. Воробьева, **И. М. Бердников**, А. С. Пержакова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы Год. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2008 года. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. 14. – С. 126–130. Авторский вклад – 0,1 п.л.

10. Бердникова Н. Е. Иркутский острог: археологические открытия / Н. Е. Бердникова, **И. М. Бердников** // Проект Байкал/Project Baikal. – 2009. – № 20. – С. 98–101. Авторский вклад – 0,2 п.л.

11. **Бердников И.М.** К определению хронологии Спасского некрополя (по материалам раскопок на территории археологического объекта «Иркутский острог») / И. М. Бердников // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). – Кемерово, 2009. – Ч. 2. – С. 10–12. Авторский вклад – 0,2 п.л.

12. Бердникова Н. Е. Раскопки Владимирского некрополя в Иркутске / Н. Е. Бердникова, **И. М. Бердников**, Н. А. Батракова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итог. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2009 года. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН СО РАН, 2009. – Т. 15. – С. 204–208. Авторский вклад – 0,1 п.л.

13. **Бердников И. М.** Уникальный нательный крест с распятием из погребения Спасского некрополя в Иркутске / И. М. Бердников // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Казань : Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – С. 208–212. Авторский вклад – 0,5 п.л.

14. **Бердников И. М.** Особенности планиграфии Спасского некрополя XVIII века в Иркутске / И. М. Бердников // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы Междунар. науч. конф. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 338–341. Авторский вклад – 0,5 п.л.

15. **Бердников И. М.** Раскопки у Крестовоздвиженской церкви в Иркутске / И. М. Бердников, Н. Е. Бердникова, Н. А. Батракова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итог. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2010 года. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 145–148. Авторский вклад – 0,15 п.л.

16. Бердникова Н. Е. Результаты археологических исследований 2007–2008 гг. территории возле Спасской церкви в Иркутске / Н. Е. Бердникова, **И. М. Бердников** // Земля Иркутская. – № 2 (37). – 2010. – С. 3–12. Авторский вклад – 0,7 п.л.

17. **Бердников И. М.** Археологические исследования православных некрополей XVIII – начала XIX вв. в Иркутске / И. М. Бердников // Труды

III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011. – Т. 2. – С. 213–214. Авторский вклад – 0,1 п.л.

18. **Бердников И. М.** Некрополи Иркутска XVIII–XIX вв. Результаты археологических исследований / И. М. Бердников // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск : Изд-во Ом. ин-т (филиал) РГТЭУ, 2011. – С. 275–282. Авторский вклад – 0,5 п.л.

19. **Бердников И. М.** Заключительный этап археологических исследований у Спасской церкви в Иркутске / И. М. Бердников, Н. Е. Бердникова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итог. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 года. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 134–138. Авторский вклад – 0,15 п.л.

20. Комплексное археолого-антропологическое исследование населения Иркутска XVII–XVIII вв. по материалам раскопок у Спасской церкви / Н. Е. Бердникова, **И. М. Бердников**, Р. М. Галеев, Н. А. Лейбова (Суворова), Н. В. Харламова // IX Конгресс этнографов и антропологов России. – Петрозаводск, 2011. Авторский вклад – 0,1 п.л.

21. **Бердников И. М.** Лица первых иркутян (аннотация к альбому) / И. М. Бердников, Н. Е. Бердникова, Р. М. Галеев // Земля Иркутская. – № 1–2 (38–39). – 2011. – С. 4–6. Авторский вклад – 0,3 п.л.

22. Остеологическая коллекция с территории Владимирского некрополя (Иркутск) / Т. Ю. Номоконова, Н. А. Батракова, Н. Е. Бердникова, **И. М. Бердников** // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск : Изд-во Ом. ин-т (филиал) РГТЭУ, 2011. – С. 356–362. Авторский вклад – 0,1 п.л.

23. Воробьёва Г. А. Междисциплинарные исследования на территории Иркутского острога / Г. А. Воробьева, Н. Е. Бердникова, **И. М. Бердников** // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итог. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 года. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 152–155. Авторский вклад – 0,1 п.л.

24. **Бердников И. М.** Нательные кресты и украшения из раскопок в исторической части Иркутска / **И. М. Бердников**, Н. Е. Бердникова // Лобацкая Р. М., Князев А. Д. Кольцо Прометея. Ювелирные коллекции Иркутска. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011. – С. 25–37. Авторский вклад – 0,2 п.л.

Научное издание

Бердников Иван Михайлович

СИБИРСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ НЕКРОПОЛЬ XVIII–XIX ВЕКОВ
КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИРКУТСКЕ)

Автореферат

Подписано в печать 01.11.2012. Формат 60x90 1/16
Усл. печ. л. 1,4. Тираж 100 экз. Заказ 114

Издательство ИГУ
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36